на съезд князей в Уветичах Давиду Игоревичу как на почесть, уравнивавшую Давида с остальными участниками съезда, на то, что Давид сидит «с братьею своею на одином ковре».[17] Особый смысл вкладывался в положение на ковер при обрядах, связанных со смертью или раной. Описывая исход борьбы Олега и Ярополка Святославичей в 977 г., летопись рассказывает, как тело убитого Олега положили на ковре, «и приде Ярополк, над нем плакася».[18] Люди, посланные для ослепления Василька, «почаста простирати ковер, и простерша яста Василька, и хотяща и повръщи».[19] Практически ковер в данном случае был ненужен и, по-видимому, имел символическое значение. Наконец, тело Андрея Боголюбского клирошане «вземше... на ковре... внесоша и́ в божницю».[20] Вероятно, именно такое несение тела на ковре изображено на коломенской иконе.

В третьем клейме изображено возвращение Бориса из похода. Борис представлен на белом коне во главе войска. Надпись: «Бори[с] възратися не обрете супостат». Об этом эпизоде рассказывают и «Сказание», и «Чтение», и летопись. Но расположение этой сцены на иконе после сцены «потаения» тела Владимира свидетельствует о следовании версии летописи, так как и в «Сказании», и в «Чтении» порядок рассказа иной: возвращающегося Бориса встречает вестник, от которого князь узнает о смерти отца и связанных с этим событиях.

Однако вновь, как и в предыдущем клейме, надпись в этой сцене является почти прямой цитатой из «Сказания», где говорится о Борисе: «Отшедшю же ему и не обрете супостат своих, възвратившюся въспять ему».[21] Это обстоятельство можно объяснить, как и при рассмотрении предшествующей сцены, только зависимостью иконописца от иллюстрированного «Сказания», миниатюры которого восходили к иному тексту, близкому в данном случае к тексту летописи.

Четвертая сцена — молитва Бориса в шатре. Все сцены, происходящие в шатре, изображены на иконе на фоне шатра. В центре стоит Борис, молитвенно воздевший руки. В отличие от предшествующих клейм, он уже без шубы, в синей исподи (на груди видны застежки), в шапке. За ним — отрок в длинной, красной одежде, видимо Георгий-угрин, о котором подробно рассказывают «Сказание» и летопись. Наличие этого персонажа исключает связь изображения с «Чтением» Нестора, которое лишь мельком упоминает о слуге, убитом вместе с Борисом.

Анализируя аналогичное изображение в Сильвестровском списке «Сказания», отличающееся лишь по композиции, Д. В. Айналов отметил в нем отступление от текста «Сказания» и близость к летописному рассказу.[22] «Сказание» намекает на наличие «прозвутера», которому Борис вечером «повеле пети вечернюю», а утром начать «заутрьнюю».[23] Летопись же о присутствии священника умалчивает. Не изображен он и на иконе.

Эта сцена расположена на иконе до изображения сна Бориса, т. е. так, как будто в ней представлена не утренняя, а вечерняя молитва, опускаемая летописью, но описанная в «Сказании». Не свидетельствует ли также и это обстоятельство в пользу намеренного приспособления к ситуации

---

[17] Повесть временных лет, ч. 1, стр. 181.
[18] Там же, стр. 53.
[19] Там же, стр. 173.
[20] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 157.
[21] Д. И. Абрамович, стр. 28—29.
[22] Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 56—59.
[23] Д. И. Абрамович, стр. 33.